

СУСЛОВ КАК ШЕФ-ИДЕОЛОГ БРЕЖНЕВА

Вообще скромный, Суслов однажды выразился о себе очень нескромно: стоит мне кашлянуть в Кремле, сказал он, как весь западный мир приходит в движение и начинает гадать о моем здоровье. Суслов, видно, очень плохо информирован об интересе западного мира к нему. Вернее будет сказать, что на Западе незаслуженно мало интересуются его личностью и поэтому мало что знают о его действительной роли на вершине Кремля. Роль эта — не только выдающаяся, но во многих отношениях и исключительная. Если бы, скажем, сегодня с Брежневым или Косыгиным, или обоими вместе взятыми, случилось несчастье, то Политбюро их легко заменило бы другими такими же рутинными фигурами, но выйди из строя Суслов — это может вызвать кризис всего идеологического руководства.

В большой армии советских идеологов Суслов не знает эквивалентной замены. Речь идет вовсе не об эрудиции ученого-марксиста или о теоретическом таланте Суслова. Ни тем, ни другим он не блещет. На вершине Кремля этого даже и не требуется. Хуже того: наличие таких качеств уже само по себе вызывает настороженность, подозрительность мастеров власти — партаппаратчиков. Если взять только классические примеры, — Бухарин и Шепилов погибли, кроме всего прочего, из-за своего марксистского интеллектуального превосходства над партаппаратом. Партаппарату нужны не ученые эрудиты марк-

систско-ленинской теории, а прагматические интерпретаторы его генеральной линии на сегодняшний день. Задача таких интерпретаторов только одна: идеологическое обоснование практики партийной машины власти. Для этого вовсе не требуется углубление в дебри „Капитала” Маркса и „Империализма” Ленина, но обязательно требуется овладение самому техникой власти и властвования. Нужен шеф идеологии. Вот здесь талант Суслова развернулся вовсю.

Он вступил в партию (1921) на десять лет раньше Брежнева (1931), хотя старше него только на четыре года (Суслову недавно исполнилось 68 лет). То были времена, когда Ленин и Троцкий, победив своих врагов в гражданской войне и жестоко подавив Кронштадтское восстание (1921) тех самых матросов, которые произвели октябрьский переворот, окончательно укрепились в седле власти. Дорога к этой власти, как и ко всякой карьере, отныне шла через коммунистическую партию. Поэтому партия росла очень быстро, настолько быстро, что Ленин в своей знаменитой книге „Детская болезнь левизны в коммунизме” начал бить отбой. Он писал: „Мы боимся чрезмерного расширения партии, ибо к правительственной партии неминуемо стремятся примазаться карьеристы и проходимцы, которые заслуживают только того, чтобы их расстреливать”*. (Заметим, что тогда в партии было лишь около 600.000 человек. Что сказал бы Ленин сегодня, когда в ней насчитывается 14.000.000 человек, из которых половина чиновники и карьеристы разных рангов?)

Ленин писал это в 1920 году, а Суслов вступил в

---

* В.И. Ленин. Сочинения., т. 31, 4-е изд., стр. 29.

партию в 1921 г. Если его цель была та „карьера”, за которую Ленин хотел расстреливать, то Суслов в ней преуспел как никто другой из его окружения. Когда Суслов вступил в партию, Сталин еще не был генеральным секретарем. Идолами Суслова, как и всей партии, были, кроме Ленина, — Троцкий, Зиновьев, Каменев, Бухарин. На XX съезде Хрущев заметил, что, когда жил Ленин, имя Сталина слышал, может быть, только один процент делегатов съезда (заметим, что 6,1% этого съезда вступили в партию до 1921 года, а 24,9% — с 1921 по 1930 г.).

Из биографии Суслова известно, что он был в числе этого одного процента. Более того. Он принадлежал как раз к той группе коммунистов, которая не только нашла в Сталине своего кумира, но и разгадала в нем и единственного преемника Ленина. Отсюда его активное участие на стороне Сталина в борьбе с троцкистской (1923-1924), а потом с зиновьевской (1925) и, наконец, с бухаринской (1929) оппозицией. Это открывает ему двери туда, куда он стремился с самого начала, — к элите партии.

Этому способствует и выдающаяся академическая карьера. Суслов в 1928 г. успешно оканчивает знаменитый в стране Институт народного хозяйства им. Плеханова, а потом поступает в школу высших политических наук при ЦК партии — в Институт красной профессуры. Это означает и формально, что Суслов становится номенклатурным работником ЦК в резерве его высших идеологических кадров. Здесь читали лекции такие известные партийные профессора, как Бухарин, Покровский, Ярославский, такие бывшие меньшевики, как Вышинский, Рубин, Деборин, бывший бундовец Розенберг и др.

В то же время сам Суслов ведет преподаватель-

скую работу в Московской промышленной академии им. Сталина. Среди студентов академии оказались такие важные лица, как жена Сталина Аллилуева и будущий преемник Сталина — Хрущев. Эти студенты тоже сыграют свою роль в будущей карьере Сулова. Его учеба в Институте красной профессуры совпадает с началом борьбы Сталина против его соперников в Политбюро — против группы Бухарина, Рыкова и Томского. В области теории Институт считался вотчиной Бухарина, отданной ему благодарным Сталиным за помощь в борьбе с троцкистами и зиновьевцами. Но теперь, когда дошла очередь и до самого Бухарина, ЦК был озабочен, как бы этот идеологический резерв партии не стал на сторону своего владыки и учителя. В том, что этого не случилось, была заслуга не аппарата ЦК, а весьма маленькой, но очень крикливой, агрессивной и малоразборчивой (в выборе средств и цитат) группы красных профессоров: Сулова, Юдина, Митина, Поспелова, Панкратовой, Константинова, Мехлиса. Все они сделались потом членами ЦК.

О характере услуг, которые коммунист оказал партии, можно судить всегда по тому, какой пост он получает. Первый руководящий пост Сулова был партийно-полицейский — он был назначен в 1931 году инспектором Центральной контрольной комиссии. Эта комиссия внутри партии играла при Сталине ту же роль, что НКВД в масштабе государства. Все партийные оппозиционеры или просто подозреваемые в инакомыслии, прежде чем попасть в застенки НКВД и концлагеря Сибири, проходили сначала через это „чистилище”. Через контрольную комиссию прошла под разными кличками и вся ленинская гвардия — „троцкисты”, „зиновьевцы”, „правые оппортунисты”, „национал-уклонисты”.

Суслов, который вступил в партию после победы этих старых большевиков в революции и в гражданской войне, сделался судьей над ними. Официальный биограф Суслова считает его самой большой заслугой в прошлом, во-первых, активное участие в уничтожении ленинской гвардии в центре, а во-вторых, не менее активное участие в проведении партийных чисток на местах. После XX съезда уже не модно подчеркивать подобные „заслуги“, но роль Суслова в чистках была настолько яркой и выдающейся, что в биографии его, выпущенной после этого съезда, говорится: „М.А.Суслов активно участвовал в борьбе против троцкистской оппозиции в партии, против зиновьевцев, а также против правооппортунистич. элементов... В 1933 и 1934 гг. выполняет ответственную работу в Уральской и Черниговской областных комиссиях по чистке партии” (БСЭ, т. 41, 1956, стр. 320).

Впоследствии (1934) ЦКК была реорганизована в Комитет партийного контроля при ЦК, но как его функции, так и роль в нем Суслова остались неизменными.

Готовясь к установлению личной власти, Сталин решил объединить должности секретаря ЦК по НКВД, председателя Комитета партийного контроля при ЦК и наркома внутренних дел СССР в персональной унии одного из своих помощников — так появился на сцене пресловутый Ежов. Под непосредственным руководством Ежова Суслов участвует в самой грандиозной операции коммунистического режима, известной на Западе под названием „Великая чистка“, а в СССР под названием „ежовщины“.

Каково общее число жертв этой чистки в народе — было хорошо охраняемой тайной Кремля даже при словоохотливом Хрущеве. Однако западные

специалисты считают, что „Великая чистка” унесла в концлагеря до 8 миллионов человек.

Более или менее точно известны цифры жертв „Великой чистки” в рядах самой партии — одни по официальным данным, другие по подсчетам специалистов. Из 1956 делегатов XVII съезда партии (1934) 1108 человек было арестовано, из 139 членов и кандидатов ЦК 98 человек (70%) было расстреляно, 80% высшего командного состава армии было расстреляно, 100% секретарей крайкомов и обкомов было расстреляно. Около 1.220.000 коммунистов (почти 50% состава партии) было исключено из партии, а значит и репрессировано.

К концу ежовщины (продолженной Берия с ноября 1938 г.) расстреляли самого Ежова, а его ближайшего сотрудника Сулова сначала назначили секретарем Ростовского обкома (1937 г.), а потом секретарем Ставропольского крайкома партии (1939 г.). В 1939 году его избирают членом Центральной ревизионной комиссии партии, а в 1941 году членом ЦК партии. Вот с тех пор Сулов непрерывно входит в состав ЦК, который Сталин назвал „ареопагом” партии.

Во время второй мировой войны Сулов, продолжая быть секретарем крайкома партии, входил в состав Военного совета Северокавказского фронта, где он депортировал кавказские народы.

К концу войны Сталин послал Сулова как чрезвычайного уполномоченного ЦК чистить прибалтийский край, а собираясь организовать вторую „Великую чистку”, в 1946 году отозвал его работать в ЦК и в 1947 году назначил секретарем ЦК.

Идеологический поход 1946-1948 гг. против „космополитов” и „низкопоклонников”, с его яв-

но обнаженным острием антисемитизма, многие незаслуженно приписывали только одному Жданову, тогда как он был совместной работой обоих. Последующие события лишь подтверждают это.

*

Когда Жданов умер (1948), весь идеологический аппарат ЦК сосредоточился в руках одного Сулова и рамки самого похода значительно расширились: от похода в области литературы и искусства ЦК переходит к походу во всех общественных науках, отчасти даже к походу в области специальных наук, которые до сих пор оставались вне поля внимания ученого авторитета ЦК, — в языкознании (против учеников Марра), в физиологии (против учеников Павлова), в генетике (против классических школ в пользу Лысенко).

Однако самая главная „дискуссия”, призванная составить как бы увертюру к новой кровавой драме — к очередной „Великой чистке”, — проводится закрыто под руководством Сулова и при заочном участии Сталина. ЦК созывает в ноябре 1951 года закрытое собрание всех руководящих теоретиков партии в политэкономии и предлагает им осудить книгу члена Политбюро, председателя Госплана СССР Вознесенского, посвященную экономике СССР во второй мировой войне. Участники собрания знают, что они должны осудить книгу Вознесенского, но они не знают, за что. Зато всем хорошо известно другое — сам Сталин редактировал книгу Вознесенского, Вознесенский за нее получил Сталинскую премию первой степени и журнал „Большевик” (теперь „Коммунист”) ее похвалил как самое выдающееся произведение верного ученика Сталина. Поэтому „дискуссия” носит абстрактный характер. Собрание

ждет, как обычно в таких случаях, выступления члена Политбюро Вознесенского с раскаянием. Оно не знает, что Вознесенский не может выступить — уже год, как Сталин его расстрелял.

Материалы этой „экономической дискуссии” не были опубликованы. Только два документа, касавшиеся ее, увидели свет через год — брошюра „Экономические проблемы социализма в СССР” Сталина в октябре 1952 года и статья Сулова против Вознесенского и его друга Федосеева в декабре того же года. Сулов писал, что журнал „Большевик”, когда его главным редактором был Федосеев, „на протяжении нескольких лет... не разоблачал субъективной концепции в области политической экономии...” В журнале превозносилась чуть ли не до небес и выдавалась за последнее слово антимарксистская книжка Н.Вознесенского „Военная экономика СССР в период Отечественной войны” („Правда”, 24.12.52).

Сулов напомнил Федосееву, что он был снят по постановлению ЦК со своей должности с объявлением выговора именно из-за рекламирования им Вознесенского. Сулов писал, что теперь Федосеев хвалит направленное против идей Вознесенского „классическое произведение Сталина” „Экономические проблемы социализма в СССР”, не говоря ничего о своей прежней ошибочной защите Вознесенского. Статья кончалась роковым вопросом: „Не хитрит ли автор”, восхваляя Сталина? (Интересно, что тот же Федосеев милостью Сулова теперь член ЦК КПСС и директор Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.)

На статье Сулова явно чувствуется редакторская рука Сталина. К тому же между двумя статьями органическая связь — Сталин дает общие установки по

разоблачению врагов его экономической политики (иначе говоря, Сталин выступал против того, что сейчас проводится как „экономическая реформа”), а Суслов заостряет вопрос о бдительности по отношению к врагам сталинской генеральной линии.

Очень важной вехой в биографии Суслова был последний съезд партии при жизни Сталина — XIX съезд (октябрь 1952 г.). На этом съезде Сталин мог убедиться, что в лице Суслова он имеет не только талантливую исполнителя, но и выдающегося интерпретатора его еще не сформулированной стратегии на будущее.

Свою речь на XIX съезде Суслов посвятил разоблачению врагов сталинской линии партии в идеологии. Пожалуй, это была самая квалифицированная речь на данную тему на съезде. Гроссмейстер партийной идеологии великолепно понял, что его главная задача — не творческое развитие марксистско-ленинской теории (это вздумал сделать наивный Вознесенский, за что и погиб), а, засвидетельствовав монополию Сталина на этот счет, обнародовать с трибуны съезда, что чистки — были, будут и есть — органический закон политического развития СССР. Причем Суслов намеренно избегает употреблять слово „чистка”, но он доказывает, что чистки не выдумка Сталина (как многие втайне думали).

И в этом отношении Сталин ведет партию по ленинскому пути.

Суслов сказал: „Партия Ленина—Сталина вписала новые золотые страницы в летопись всей истории человечества — нашу партию и весь советский народ с несокрушимой волею и величайшею мудростью ведет вперед по ленинскому пути гений человечества, любимый вождь и учитель, товарищ Сталин”; Сус-

лов разъяснил, что вся деятельность партии „и впредь должна быть направлена своим острием на беспощадную борьбу с реакционной буржуазной идеологией и ее проникновением в нашу науку, литературу и искусство... против лиц, раболепствующих перед буржуазной реакционной культурой и капиталистическим образом жизни, против националистических и космополитических извращений... против аполитичности в литературе, искусстве и науке” („Правда”, 13.10.52).

Суслов закончил речь сообщением, что: „Изданы 13 томов Сочинений Сталина, представляющие неиссякаемую сокровищницу творческой марксистско-ленинской мысли... Трудно назвать такую отрасль науки, культуры и искусства, такой участок идеологического фронта, где бы не ощущалась вдохновляющая и направляющая роль нашего великого вождя и учителя и благотворное влияние его гениальных идей” (там же).

Сталин редко ошибался в подборе своих ближайших помощников. Он их ценил не по тому, что они говорят о нем, а по тому, как и насколько данный помощник способен умножить его власть. Одна болтовня „о гении Сталина”, не подкрепленная практическими действиями в пользу укрепления сталинской власти, не только была недостаточна, но порою даже опасна. Таких людей Сталин либо подозревал в „двурушничестве” с целью сделать карьеру, либо называл их „честными болтунами” и нещадно снимал с постов. Слушая речь Суслова на XIX съезде, Сталин хорошо знал, что Суслов не принадлежит к этим категориям. И благодарный Сталин вознаграждал его: на этом съезде Суслов был впервые избран в члены Президиума ЦК и переизбран в Секретариат ЦК.

Можно полагать, что только два человека из со-

става этого Президиума ЦК были по необходимости посвящены Сталиным в его планы организации второй „Великой чистки” — начальник политической полиции Игнатъев и начальник идеологии Суслов.

Правда, есть основания считать, что оба они ему изменили еще при его жизни, выдав эти планы другим членам Президиума. Но пока что они приступают к их выполнению: 13 января 1953 года все советские газеты сообщают об аресте группы врачей Кремля. Их обвиняют во вредительском лечении и умерщвлении членов Политбюро Жданова и Щербакова и в подготовке убийства маршалов Василевского и Говорова, адмирала Левченко, генерала Штеменко.

Во всей советской прессе и радио под руководством Суслова начинается самая широкая кампания по повышению „революционной бдительности” для разоблачения новых „врагов народа”. Кампания ведется точь-в-точь по рецептам 1937 года. Приемы и методы те же. Язык и стиль те же. Даже первые аресты повторяют практику тридцатых годов. И тогда тоже, чтобы арестовать членов Политбюро и правительства, Сталин арестовал сначала кремлевских врачей (профессоров Плетнева и Левина), которых путем физических пыток вынуждали к показаниям против их высокопоставленных пациентов.

Так было и сейчас. Из доклада Хрущева на XX съезде мы уже знаем, что Сталин решил начать новую чистку с уничтожения старых членов Политбюро, опираясь на его „молодых”, „малоопытных” членов. Среди последних главную роль, как сказано, Сталин отводил — по линии тайной полиции — Игнатъеву, а по линии идеологического обоснования новой чистки — Суслову. В разгаре кампании Сталин умер (5 марта 1953 г.). Через день все „молодые” и

„малоопытные” члены Президиума ЦК были изгнаны оттуда, в том числе Игнатьев и Суслов.

Но Президиум вознаграждает измену Суслова и Игнатьева. Так, Суслов остается в Секретариате ЦК, а Игнатьев (отдавший свой пост Берия) тоже вводится в его состав (между прочим, тогда же из Секретариата и из кандидатов Президиума ЦК были исключены двое других, „малоопытных” — Брежнев и Косыгин!).

Через года два Суслов вновь вводится в состав членов Президиума ЦК. Тогда никто не мог догадаться, что Хрущев предназначает ему ровно через год такую роль, которую в свете биографии Суслова нужно признать протivoестественной. Суть роли — Хрущев разоблачит Сталина политически, Суслов должен обосновать это разоблачение теоретически.

Сегодня уже ясно, что инициатива разоблачения культа личности Сталина и формулировки новых теоретических положений в тактике и стратегии коммунизма принадлежали не всему „коллективному руководству” — Президиуму ЦК, а только „тройке” из его среды — Хрущеву, Микояну и Сулову.

XX съезду были представлены в этой связи два документа: отчетный доклад ЦК и доклад „О культе личности”. В отчетный доклад был включен целый раздел по ревизии старой тактики и стратегии ленинизма, а доклад о культе личности не только разоблачал террористическую практику Сталина, но и обосновывал тезис об антимарксистской сущности всякого культа личности ссылками на Маркса, Энгельса, Ленина. В обоих докладах, таким образом, пересматривали не только то, что до сих пор было строжайшим табу, но преподносили еще новые идеи, которые находились в противоречии с ведущими догматами ленинизма.

Преподнести такие „еретические” документы такому догматическому собранию, как съезд КПСС, было весьма рискованно. Здесь требовалась смелость, не считающаяся с последствиями. Что такую смелость проявил Хрущев, не вызывает особого удивления, но удивление вызывает и все еще остается политико-психологической загадкой здесь роль Суслова.

Эта роль его совершенно не оценена. Шумный, вездесущий, „всезнающий” Хрущев заслонил его настолько, что Суслова начали по-прежнему величать неисправимым догматиком. Между тем, автором ревизии ленинизма и теоретического обоснования разоблачения культа Сталина был именно Суслов. Волевой политик, но совершенно беспомощный в теории, Хрущев читал на XX съезде только то, что ему писал Суслов по части теории. Трагедия Хрущева собственно и обозначилась с тех пор, как он самовольно, а потому и неквалифицированно начал отходить от строгой схемы, заданной ему Сусловым. В вопросах сталинизма эта схема была хотя и не очень логичной, но целеустремленной: не было единого Сталина, а было два Сталина: один Сталин до 1934 года — ортодоксальный и верный ленинец как на практике, так и в теории; другой Сталин — после 1934 года, ошибающийся в теории и допускающий „извращения” на практике, но и этот Сталин не преступник, а ошибающийся ленинец. Поэтому Сталин может лежать рядом с Лениным в мавзолее и город на Волге по-прежнему может называться Сталинградом.

Когда Хрущев на XXII съезде (1961) отошел от этой схемы и объявил Сталина грешником во все времена, Суслов записал ему это в минусы (что и доказывает нынешняя частичная реабилитация Ста-

лина). Пока Хрущев держался заданной схемы, Суслев не только его поддерживал, но и оказывал ему хорошую пропагандную поддержку. Многие, часто хаотические, реформы Хрущева, порою противоречащие духу самой системы, идеологическая лаборатория Суслева выдавала за дальнейшее развитие ленинизма. Однако роль Суслева после XX съезда, хотя и очень важная, не была все же решающей, пока не произошло событие, сделавшее его арбитром всего Президиума ЦК.

18 июня 1957 г. Президиум ЦК КПСС постановил снять Хрущева с поста первого секретаря ЦК, но Суслев и Микоян, хорошо зная, что речь идет о судьбе всей „тройки” инициаторов разоблачения Сталина на XX съезде, решительно воспротивились такому постановлению. Вместе с Хрущевым они созвали экстренный пленум ЦК (22-29 июня 1957), на котором с докладом о сущности разногласий между Хрущевым и группой Молотова выступил Суслев. „Нейтральный” арбитр Суслев так искусно повел дело, что легко доказал правоту Хрущева и заблуждения молотовцев. Старые заслуженные партийные деятели, которые работали рядом с Лениным, когда Хрущева и Суслева еще не было в партии (Молотов, Ворошилов, Каганович), целых восемь дней бились в безнадежных попытках доказать пленуму ЦК, что Хрущев — сумбурный „волюнтарист” и опасный „субъективист”, которого следует убрать (точь-в-точь те же самые обвинения, которые тот же Суслев потом сам будет выдвигать против Хрущева через пять лет во время свержения Хрущева 14 октября 1964).

Члены пленума хорошо знали, что победа группы Молотова может привести к пересмотру линии XX съезда. Но этого как раз никто не хотел. Пленум

объявил большинство старого Президиума ЦК „антиленинской группой”, исключил оттуда и из ЦК Молотова, Кагановича, Маленкова. Был создан новый Президиум ЦК, в котором хрущевцы составляли твердое большинство (чтобы скрыть масштаб государственного переворота, Ворошилов и Булганин были временно оставлены и в Президиуме и на своих правительственных постах). Среди этих хрущевцев наиболее усердными считались Косыгин и Брежнев, ставшие тогда членами Президиума ЦК.

Из своего триумфа Хрущев сделал ложные выводы. Он думал, что отныне он может себе позволить то, что позволял себе Сталин. Он решил сосредоточить в своих руках всю власть — партийную, правительственную и даже военную (для него было необычно для мирного времени звание Верховного главнокомандующего). Но хуже всего было то, что он решил вторгнуться как раз в ту область, где был совершенно беспомощным, даже смешным до карикатурности, — он решил играть в теоретика партии. Но так как он ни Маркса, ни Ленина не знал, то в обоснование своей очередной теории он часто ссылался на то, чему его учили в детстве, — на Священное Писание.

Бывали и другие ляпсусы. Он любил делать далеко не ортодоксальные „лирические отступления” от написанного для него аппаратом Сулова текста речи; эти отступления тут же передавались по радио и телевидению, но Сулов на другой день начисто вычеркивал всю эту „ересь” из печатного текста речи Хрущева в „Правде”.

Вероятно, это была одна из причин того, что Хрущев, желая избавиться от цензуры Сулова и его идеологической монополии в ЦК, решил найти ему противовес. Так, совершенно неожиданно, малень-

кий начальник отдела печати Министерства иностранных дел Ильичев был назначен секретарем ЦК КПСС по идеологии. Сулов оставался на своем посту, но поле его деятельности было ограничено связью с иностранными компартиями и — внутри страны — надзором за программами по марксизму-ленинизму в высших школах.

Между тем, основа основ всей партийной идеологии и теории — новая Программа партии — тоже была разработана Суловым. Нескромность Хрущева была так велика, что он не разрешил самому автору доложить ее XXII съезду. Написанный Суловым и его аппаратом доклад об этой Программе прочел тот же Хрущев, хотя каждый знал, что это не его творчество. Благодаря этому Хрущев теоретиком не стал, но зато окончательно оттолкнул Сулова.

Разумеется, не одни теоретические упражнения Хрущева, а вся совокупность его практических действий „волютариста” привели к заговору против него в ЦК. Заговор этот возглавил Сулов. Он же сделал на пленуме ЦК 14 октября 1964 г. обвинительный доклад против Хрущева. Если он при этом не занял пост первого секретаря, а предложил Брежневу, то это было вполне в его духе. Сулов был до сих пор безличной личностью, созданной для действий за кулисами. Любой из членов ЦК мог представлять высшую власть, но не каждый мог ее осуществлять. Сулов ее осуществлял, сам оставаясь за кулисами, не вызывая ненависти врагов и зависти соперников. Тем успешнее он действовал.

После октябрьского антихрущевского переворота положение, однако, изменилось. Сулов стал вторым человеком в партии как второй секретарь ЦК. В руках первого секретаря находится ЦК, но в руках второго секретаря в определенных ситуациях

может находиться сам первый секретарь. Роль и функции второго секретаря ЦК совершенно недооценены в печати. При Ленине Сталин был вторым человеком в ЦК, но стал первым. При Сталине Маленков был вторым человеком, но стал первым (хотя и ненадолго). При Маленкове Хрущев был вторым человеком, но стал первым. При Хрущеве Брежнев был вторым человеком, но стал первым. При Брежневе Сулов второй человек, но такой второй, который пользуется большей властью, чем любой его предшественник на посту второго секретаря. Брежнев — первый секретарь (теперь генеральный секретарь) милостью Сулова и только до тех пор, пока Сулов этого хочет.

Дело в том, что аппаратом ЦК, а значит и государством, наряду с первым, или генеральным секретарем, юридически руководит второй секретарь. Но поскольку первый секретарь большую часть времени занят „большой политикой” и ее репрезентацией, то второй секретарь — фактический хозяин власти. Если первый секретарь выбывает из Москвы, ко второму секретарю автоматически переходит вся власть и фактически, и юридически. Поэтому переворот, в октябре 1964 года, направленный против Хрущева, когда последний находился на Черноморском побережье Кавказа, был окончательным юридическим закреплением временного фактического положения Брежнева. Сделал это тот же Сулов. Теперь он мог бы это сделать с еще меньшим риском. Если он этого не делает, то только потому, что Брежнев не только его ставленник, но и его второе „я”. Все тяжелые провалы режима можно относить на счет ставленника, все его достижения можно приписывать себе. Внимательный анализ событий в СССР со времени свержения Хрущева свидетельст-

вует об этом. Вся большая внутренняя и внешняя политика КПСС идеологически отшлифована Суловым. Он достаточно опытен, ловок и интеллигентен, чтобы не повторять ошибок Хрущева. „Коллективное руководство” не пустой звук для него, как для Хрущева. Он его не игнорирует, а эксплуатирует, пользуясь своим необыкновенным даром мастера власти сталинского, то есть высокого класса.

В любой идеократической партии всегда тон задает первый теоретик. Особенно это относится к КПСС. Ее ведущие политические лидеры всегда были и ее ведущими теоретиками. Хрущев был слишком примитивен для такой роли. Не выше него стоит в этом отношении и Брежнев, но у последнего то преимущество, что он знает, что он не теоретик, и поэтому, в отличие от Хрущева, и не претендует на „дальнейшее развитие марксизма-ленинизма”.

Остальные члены Политбюро и Секретариата — люди того же калибра, что и Брежнев. Отсюда монопольное положение Сулова. Сталин сам был собственным идеологом и теоретиком. Сулов лишь управлял идеологией при нем, а при Хрущеве он должен был делить это управление с Ильичевым, но теперь он сам и шеф-идеолог, и шеф-теоретик. Сулов — последняя инстанция в ЦК, которая определяет, что есть марксизм-ленинизм, и которая решает, как надо его дальше развивать. Ему одинаково подцензурны как школьные учебники, так и „реформы” Косыгина, ноты Громыко, указы Подгорного, приказы Гречко и, конечно, речи Брежнева.

Как шеф-идеолог Сулов, начиная с 1948 г., главное лицо в ЦК по связи с зарубежными коммунистическими партиями. Он представлял КПСС и в Коминформе. От имени ЦК КПСС он принял самое

ближайшее участие в составлении известных документов международного коммунистического движения — документов международного Коммунистического Совещания 1957 и 1960 г. Он был руководителем делегации КПСС в переговорах с Коммунистической партией Китая по урегулированию спорных вопросов. Китайцы потребовали пересмотра известных решений XX и XXII съездов по вопросам тактики и стратегии коммунизма, в том числе и новой Программы партии; они потребовали также реабилитации Сталина (в вопросе о Сталине китайская позиция почти совпадала с позицией КПСС до XXII съезда).

В феврале 1964 г., за восемь месяцев до свержения Хрущева, Сулов доложил об итогах дискуссий с Пекином пленуму ЦК КПСС. Он защищал названные выше решения обоих съездов партии и критиковал пекинскую позицию как антимарксистскую, антиленинскую и протроцкистскую. Правда, Хрущев и в споре с Пекином тоже пошел дальше предложенной Суловым схемы. Сулов и новое „коллективное руководство” были готовы пойти навстречу Пекину, — пользуясь психологически выгодной ситуацией снятия Хрущева, — в исправлении ошибок последнего. Но переговоры с Чжоу Энь-лаем в Москве в ноябре 1964 года не дали никаких результатов. Китайцы настаивали по-прежнему на полном пересмотре решений XX и XXII съездов. Согласие Москвы на такой шаг означало бы признание гегемонии Пекина в „социалистическом лагере” и мировом коммунизме. Лично для Сулова это означало бы политическое хакари.

Надо сказать, позиция Пекина не осталась без влияния на Кремль. Внутри страны она сказалась в частичной реабилитации Сталина и сталинизма, в уси-

лении идеологической реакции, в росте полицейских репрессий. Во внешней политике она сказала в том, что Кремль решил опровергать утверждения Пекина о „ревизионизме” и измене коммунизму фактами и действиями. Эти факты и действия таковы, что там, где Пекин ограничивается платоническими угрозами и словесной войной, московские деньги и московское оружие действуют более эффективно. „Наша партия будет оказывать народам, борющимся за свою свободу и независимость, реальную всестороннюю помощь” („Правда”, 30.3.66), — заявил Брежнев и это были не пустые слова. Если взять только два пункта мирового коммунистического движения — Кубу и Вьетнам, Куба обходится Москве в 360 млн., а Вьетнам — даже в 1 млрд. долларов в год. Сколько стоит Москве мировое коммунистическое движение в целом, никто не знает. Во всяком случае, оно стоит ей куда больше, чем Пекину.

И этой внешней политикой КПСС фактически руководит Сулов. Эластичный во внешней политике и верный в этом отношении решениям XX и XXII съездов, Сулов подверг частичной ревизии решения тех же съездов о „культе личности”. Он вполне разумно решил, что критика Сталина есть критика не только прошлого, но и существующего режима. Ведь смерть Сталина не означала смены режима. Режим остался тот же, только исчез массовый террор, а поэтому исчез и психоз массового страха. При отсутствии этого страха, в условиях продолжающейся критики сталинских методов массовых репрессий, в СССР выросло целое поколение антисталинской интеллектуальной молодежи. Эта молодежь решила, что, если Сталина разжаловали как бога, то у коммунизма вообще не было богов. В официальной пе-

чати для характеристики этой молодежи появляется и термин „нигилист”, который не может не вызвать у диктатуры страшных исторических воспоминаний („нигилисты” 60-х годов духовно подготовили террористов 70-80-х годов XIX века).

Масштаб и глубина „неонигилистского” движения, вероятно, были настолько угрожающими, что руководители Кремля решили пожертвовать своей репутацией „антисталинистов”. Они решили сделать грозное предупреждение всей стране: суд над Синявским и Даниэлем был этим предупреждением. За ним последовали негласные суды и высылки в Сибирь ряда молодых писателей Москвы и Ленинграда. Солженицына перестали печатать. С Евтушенко и Вознесенского сняли запрет, когда они покаялись. Твардовскому предложили прекратить в „Новом мире” игру в либерализм. Он ее прекратил и за это получил орден Ленина, но потом, видно, опять заколебался, за что и был снят. Шолохову предложили на съезде партии одобрить приговор над Синявским и Даниэлем. Шолохов задание „перевыполнил”. Он сказал, что им дали мало, за такие дела раньше расстреливали. Такое выступление Шолохова в Кремле признали подвигом. Ему присвоили звание Героя социалистического труда и вручили сразу два ордена: орден Ленина и Золотую звезду. Бунтовщикам — кнут, покорным — пряник. Вдохновитель и автор этой неосталинской политики в духовной жизни СССР — тоже Суслов.

В заключение я хочу сделать одну оговорку. Может показаться, что я несколько преувеличил роль Сулова в Кремле. Но, по-моему, ввиду ограниченности информации, я начертил лишь силуэт этого выдающегося члена „коллективного руководства”. Как фанатик коммунизма он не знает конкурента, а

как мастер власти он перехитрил и Сталина, и Хрущева. Согласно дворцовому протоколу Кремля, среди 11 членов Политбюро он занимает четвертое место после Брежнева, Косыгина, Подгорного. Но для протокола важны титулы юридической власти. Если бы существовал протокол фактической власти, то он начинался бы с Суслова.

1970 г.